

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

О СУЩНОСТИ ПАТРИАРХАЛЬНО-ФЕОДАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ У КОЧЕВЫХ НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА*

Л. П. Потанов

Проблема феодальных отношений у племен и народностей, основой хозяйства которых до Октябрьской революции было кочевое или полукочевое скотоводство, до этого времени недостаточно изучена. В дореволюционной литературе обычно утверждалось, что эти племена и народности живут родовым строем. Это бездоказательное утверждение было подхвачено буржуазными националистами и прочими врагами народа — идеологами и защитниками обреченных на ликвидацию эксплуататорских классов. Фальсифицируя историю, они заявляли, что у народностей с кочевым или полукочевым скотоводческим хозяйством (казахи, киргизы, туркмены, алтайцы, хакасы, якуты и т. д.) до революции якобы не было эксплуатации, классов и классовой борьбы.

Практика социалистического строительства ускорила научное изучение дореволюционного общественного строя этих народностей. В исследованиях советских ученых полностью разоблачены антинаучные теории буржуазных историков и выяснен характер классовых общественных отношений у кочевников. Результаты этих исследований могут быть полезны при изучении общественного строя кочевых и полукочевых народностей зарубежных стран (например, Ирана, Афганистана и др.). Однако некоторые вопросы истории кочевых народов нуждаются в дальнейшей разработке. Наиболее важным из них является вопрос о земельной собственности как основе феодальных отношений у кочевников. Феодальный характер собственности на землю у кочевников подробно не исследован, роль и значение феодальной земельной собственности не только не раскрыты на конкретном материале, не обоснованы теоретически, но даже отрицаются некоторыми учеными. Это тормозит разработку истории таких наших народностей, как казахи, киргизы, туркмены, каракалпаки, якуты, буряты, тувинцы и др. Советские ученые обязаны дать четкий ответ на вопрос, какую форму экономических земельных отношений, какую форму земельной собственности у той или иной народности, ведущей в основном кочевое или полукочевое скотоводческое хозяйство, застала Великая Октябрьская социалистическая революция.

Кочевое скотоводство как способ производства материальных благ зародилось в степях Азии и Европы в IX—VIII вв. до н. э., значительно позже не только охоты и рыболовства, но также первобытного земледелия и первобытного оседлого скотоводства.

Приручение и первоначальное разведение домашнего скота вообще возникло в Азии еще в неолитическое время, по крайней мере в III тысячелетии до н. э., следовательно, гораздо раньше, чем кочевое скотоводство. По данным археологии, первобытное скотоводство зародилось в условиях оседлой жизни. Дальнейшее развитие его долгое время ограничивалось состоянием кормовой базы. При оседлом образе жизни племен, разводивших стада, даже летний выпас был ограничен размерами доступной племени пастбищной территории. В зимний период условия для содержания скота были еще менее благоприятны. Первобытное мотыжное земледелие, естественно, не могло

* Доклад, прочитанный на научной сессии по истории народов Средней Азии и Казахстана 30 января 1954 г. в г. Ташкенте. Печатается в сокращенном виде.

обеспечить стада фуражом. Заготовка сена при отсутствии специальных орудий сенокосения также не обеспечивала зимнего содержания скота. Скотоводство оседлого пастбищного типа представляло собой только одну из отраслей первобытного хозяйства, в котором не менее важное значение имели охота, рыболовство, мотыжное земледелие и собирательство дикорастущих растений. И только тогда, когда племена, разводившие домашний скот, перешли к кочеванию в течение круглого года в поисках корма для скота, кормовая проблема скотоводства в условиях того времени была решена. Это обстоятельство дало огромный толчок развитию скотоводства и превратило его в самостоятельную и ведущую отрасль хозяйства кочевых народов. Скотоводческие племена выделились из общей массы племен, что привело к первому крупному общественному разделению труда. Однако скотоводство у кочевников не было единственной отраслью хозяйства. Кочевники-скотоводы занимались охотой и отчасти земледелием, производя небольшие посевы в районах зимних пастбищ. В связи с этим некоторые племена, особенно в горных районах, вели полуседлый образ жизни. «У всех восточных народов можно, с тех пор как этот процесс происходит, установить общее взаимоотношение между оседлостью одной части этих племен и продолжающимся кочевничеством другой части»¹.

По сведениям Геродота, часть скифов вела полуседлый и даже оседлый образ жизни. В эту же эпоху кочевники Алтая с полуседлым образом жизни сеяли ячмень на зимовках, умели сооружать срубные жилища, на что указывают погребальные камеры Пазырыкских курганов. Земледелие было известно и гуннам, хотя они были типичными кочевниками². Об элементах оседлости и зачатках земледелия у кочевников-тюрков говорят енисейско-орхонские рунические надписи, китайские известия о древних енисейских киргизах, известные сообщения Рубрука о кыпчаках и свидетельства других источников о казахах, киргизах, туркменах, узбеках, южных алтайцах и др. При кочевом пастбищном скотоводстве в составе стада преобладают лошади и овца, более приспособленные к зимнему выпасу. Переход к кочевому скотоводству знаменовал собою рост производительных сил на ранних ступенях истории человеческого общества. Кочевое скотоводство позволило освоить для обитания и хозяйственной деятельности людей огромные пространства, ранее пустынные, и поставило их на службу человеку. Приручение кочевниками лошади, изобретение седла, стремян и т. д. сыграли большую роль в заселении новых территорий и в установлении экономических и культурных связей кочевников с оседлыми племенами и народами. Правда, взаимоотношения кочевников между собой и особенно с оседлыми племенами часто носили враждебный характер, сопровождалась грабительскими набегами и т. п. Но все же нельзя отрицать, что кочевники-скотоводы внесли определенный вклад в развитие культуры, относящейся к первым ступеням человеческого общества. Кочевое скотоводство давало людям больше мясной и молочной пищи, различного сырья (шерсть, кожа, волос и т. д.) и открывало возможность увеличения прибавочного продукта. Оно расширило сферу хозяйственной деятельности человека, подняло производительность труда и создало условия для накопления богатства, развития обмена.

Разведение стад и уход за ними было делом мужчины, и это выдвинуло на первое место роль мужского труда не только в обществе, но и в семье. Результатом было ниспровержение материнского права и введение отцовского и постепенный переход к моногамной семье, ввиду чего «семья сделалась силой, и притом грозной силой, противостоящей роду»³.

Первое крупное общественное разделение труда, вызванное возникновением и выделением кочевое скотоводства, привело к расколу общества на два антагонистических класса: господ и рабов, эксплуататоров и эксплуатируемых⁴. В процессе классового образования скотоводческие кочевые племена сыграли большую роль.

Зародившись как прогрессивный способ добывания материальных благ, кочевое скотоводство, однако, довольно скоро исчерпало свои возможности. В условиях дальнейшего прогресса человеческого общества, развития плужного земледелия, различ-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXI, стр. 488.

² Н. Я. Бичурин (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I, М.-Л. 1950, стр. 76, 83, 106 (в дальнейшем Иакинф)

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI, ч. I, стр. 138.

⁴ См. там же, стр. 137.

ных ремесел и торговли у оседлых народов кочевое скотоводство превратилось в довольно отсталый и застойный вид производства, тормозивший развитие культуры кочевого населения. Причины этого заключались в слабости и ограниченности этого способа добывания жизненных благ, основанного на кочевом образе жизни, в отсутствии оседлости, являющейся важным условием для развития общественной жизни, культуры и быта населения. Эти слабые и даже отрицательные стороны особенно ярко выступали, когда кочевники (гунны, турки, монголы и др.) покоряли древние культурные области с оседлым населением. Если кочевники не сливались с покоренным населением и не усваивали его способ производства, они разрушали более высокую культуру оседлых народов, опустошали поля и города в целях грабежа и наживы, действуя, по меткому определению Маркса, «соответственно их способу производства; для скотоводства большие необитаемые пространства являются главным условием»⁵.

В нашу литературу проникла ошибочная точка зрения, что основным средством производства у кочевников был скот, а земля являлась лишь условием производства⁶, что присвоение натуральной ренты феодалом характеризуется как экономическая форма реализации собственности на скот. Отсюда выдвигается понятие особого, так называемого патриархально-феодального строя у кочевников. Эта ошибка приводит к отрицанию общей закономерности феодализма, в основе которого, как известно, лежит феодальная собственность на землю. Эта ошибка коренится в противопоставлении понятия основного, или главного, средства производства условию производства.

К. Маркс не только не противопоставляет понятия основного средства производства и главного условия производства, но употребляет их как синонимы.

Знаменитое определение основы общественного строя в «Капитале» гласит: «Непосредственное отношение собственников условий производства к непосредственным производителям — отношение, всякая данная форма которого каждый раз естественно соответствует определенной ступени развития способа труда, а потому и общественной производительной силе последнего, — вот в чем мы всегда раскрываем самую глубокую тайну, сокровенную основу всего общественного строя»⁷. Из этого определения видно, что собственность на главное условие производства и есть собственность на основное средство производства. Нельзя признать убедительным тот довод, что кочевник будто бы не прилагает к земле труда. На самом деле скот выращивается трудом кочевника-скотовода на земле, которая является сферой его труда. Разве кочевник не тратит силы на поиски и освоение сезонных пастбищ, не оберегает их травостой путем расчетливого стравливания пастбищ, перегоняя с этой целью стада с участка на участок, разве он не тратит силы на устройство водопоев, охрану стада и самих кочевий и т. п.⁸

Основным средством производства у кочевников является земля. Сюда относятся пастбища и кочевья, пахотные земли, охотничьи территории и т. п. Именно земля в конечном счете была решающим условием для ведения кочевого скотоводческого хозяйства⁹. Вполне естественно, что не все виды земель имели одинаковое значение. С утверждением кочевого скотоводства как ведущей отрасли хозяйства основным средством производства у кочевников стали большие необитаемые пространства, пригодные для летних и зимних пастбищ в течение круглого года. Чтобы представить себе значение необитаемых пространств для кочевого скотоводства, следует иметь в виду, что для прокорма одной головы скота в зимнее время требуется примерно 8—10 га естественного пастбища среднего качества.

⁵ К. Маркс. К критике политической экономии. Госполитиздат. 1951, стр. 210.

⁶ См., например, статьи В. Ф. Шахматова: К вопросу о сложении, специфике патриархально-феодальных отношений в Казахстане. «Вестник Академии наук Казахской ССР». 1951, № 7; О классовой борьбе и ее формах в Казахстане первой половины XIX в. «Большевик Казахстана». 1951, № 11.

⁷ К. Маркс. Капитал. Т. III, Госполитиздат. 1953, стр. 804.

⁸ Исходя из этой несостоятельной аргументации, нужно будет признать, что земля не является основным средством производства и для охотничьих народов, что у них основным средством производства служат только лук, стрелы и различные ловушки.

⁹ Известно, что при всех способах производства земля, эта «великая лаборатория, арсенал» средств труда человека, является одним из основных средств производства. См. К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству. Госполитиздат. 1940, стр. 5.

Но земля у кочевников-скотоводов, будучи главным, вовсе не являлась единственным средством производства. К ним относится также скот, ибо вовлечь в сферу хозяйственной деятельности человека и освоить громадные необитаемые пространства, часто непригодные для других видов хозяйства (особенно сухие степи), можно было только при помощи разведения скота. Таким образом, скот являлся у кочевников не только продуктом труда, но и средством труда. «Наряду с обработанным камнем, деревом, костями и раковинами главную роль, как средство труда на первых ступенях человеческой истории, играют прирученные, следовательно уже измененные посредством труда, выращенные человеком животные»¹⁰. Эта двойственная роль скота как продукта труда и потребления и как средства производства, хотя и не основного, как увидим, во многом определила своеобразие развития классовых отношений у кочевников-скотоводов. Четкое представление об основных средствах производства необходимо для понимания характера производственных отношений для изучения форм собственности и различных социальных групп, а также зависимость от этих форм распределения продукта у кочевников. Без этого невозможно разобратся в экономическом содержании общины, которая, как известно, играла выдающуюся роль в общественно-экономической жизни кочевников-скотоводов.

Наиболее ранним типом общины у кочевников была родовая община, то есть община, состоящая из кровных родственников. Экономическим базисом такой общины являлась общинная родовая собственность на пастбища и кочевья и на скот. Различные виды продукции скотоводства также составляли общую собственность родовой общины или ее подразделений и подлежали распределению между сородичами. Совместный общинный труд по разведению стад, совместное кочевание родственников вызывали первоначально экономической необходимостью. Освоение новых необитаемых территорий, в частности сухих степей, сохранение их за собой, охрана стад от хищных зверей, от чужих родовых или племенных объединений кочевников были под силу только коллективным объединениям, но не индивидуальным хозяйствам. Из этого следует, что совместное кочевание и родовая общинная собственность на пастбища, кочевья и скот вовсе не являлись результатом обобществления основных средств производства у кочевников. Они лишь соответствовали низкому уровню производительных сил кочевников в период зарождения кочевого скотоводства, когда стада у родовых общин были немногочисленны. Для родовой общины кочевников было характерно экономическое и социальное равенство ее членов, являвшихся сородичами. Известные нам исторические источники не содержат полных данных о таком архаическом типе общины у кочевников. Однако эта община непременно должна была существовать. Несмотря на то, что в источниках нет данных об общей родовой собственности на скот, некоторые этнографические материалы могут рассматриваться как косвенное свидетельство этого. Таковы родовые обычаи, широко распространенные у различных народностей Средней Азии, Южной Сибири и Монголии, например, уплата скотом калыма за невесту сородичами жениха или уплата куна (цены крови) сородичами роду убитого или изувеченного у казахов¹¹, обычай алтайцев, хакасов, тувинцев, казахов и др., согласно которому племянник имел право получать скот в свою собственность по своему требованию у дяди по матери. Реликтом былой родовой общинной собственности на скот являются тамги — знаки таврения скота. Эти тамги, согласно многочисленным преданиям и свидетельствам кочевников — южных алтайцев, киргизов, казахов и т. д., были в прошлом родовыми знаками собственности на скот, что вполне вероятно.

В этнографической литературе имеется также много указаний о родовой собственности на пастбища и кочевья. Она получила отражение в религиозных представлениях, в частности в родовом культе гор, например, у южных алтайцев, у монголов¹². Во всех этих случаях родовая собственность на пастбища выступает лишь как юридическая фикция феодальной экономической формы земельной собственности. Но можно думать, что некогда эта юридическая форма не была фикцией и, видимо, отражала экономическую сущность родовой общинной собственности на пастбища и кочевья. В дореволюционном

¹⁰ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVII, стр. 199, 201.

¹¹ М. П. Вяткин. Батыр Срым. М.-Л. 1947, стр. 123—124.

¹² Л. П. Потапов. Культ гор на Алтае. «Советская этнография». 1946, № 2; Г. Н. Потанин. Очерки северо-западной Монголии. Т. II. СПб. 1881, стр. 92—93 к др.; Б. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов. Л. 1934, стр. 57.

быте ряда народностей сохранялись пережитки общинного родового распределения продуктов (мяса, кумыса, араки) и обычан распивания напитков (кумыса, бузы, айрана и пр.)¹³.

У хакасов и алтайцев былая общность продуктов скотоводческого хозяйства выступала в обряде жертвоприношения овец и лошадей во время родовых общественных молений. В погребениях кочевников VIII—VII вв. до н. э., открытых на территории Западного Алтая, еще нет признаков резкого имущественного неравенства. Эти памятники отражают, видимо, период господства общинной собственности на скот. Однако родовая община существовала недолго. Рано возникшая у кочевников частная собственность на скот существовала не только быстрому росту стад, но и накоплению скота в руках отдельных семей. Открыв на некоторое время простор для развития производительных сил скотоводческого хозяйства, частная собственность в то же время подрывала экономическое и социальное равенство членов родовой общины, порождала в ней резкое имущественное неравенство. Вопрос о том, как и когда стада перешли в частную собственность, не исследован. Никаких точных данных на этот счет мы пока не имеем. Это могло произойти, конечно, только на стадии разложения первобытно-общинного строя. Наиболее древние письменные источники о кочевниках Европы и Азии и археологический материал свидетельствуют о том, что уже к середине I тысячелетия до н. э. у кочевников прочно установилась частная собственность на скот и возникло резкое имущественное неравенство. В скифских курганах северного Причерноморья с богатыми покойниками-скифами хоронилось много лошадей и невольников-рабов, различных сокровищ, в то время как с рядовыми кочевниками хоронились одна или несколько лошадей и покойника снабжали скромным бытовым инвентарем. Находки, обнаруженные в больших Пазырыкских курганах на Алтае (V—III вв. до н. э.), свидетельствуют об имущественном неравенстве: захоронения рядовых кочевников отличались от могил богатых людей; в могилах знатных покойников на трупах лошадей, сохранившихся в мерзлоте, были обнаружены метки на ушах — знаки частной собственности¹⁴. Частная собственность на скот и резкое имущественное неравенство существовали и у гуннов, предводители которых, по данным китайских летописей, обладали дорогостоящими быстроходными и выносливыми конями¹⁵. Из китайских же летописных хроник мы узнаем, что частная собственность на скот существовала и у восточных соседей гуннов — кочевых племен ухуань. У кочевников усуней (II—I вв. до н. э.) летопись отмечает богатых скотовладельцев, имевших по 4—5 тысяч лошадей. Частная собственность на скот у кочевников, по китайским хроникам, существовала и в более позднее время. Уйгуры, по словам летописи Бэй-Вей (386—558 гг.), «на домашнем скоте вообще кладут метки; и хотя в поле пристанет к чужому, никто не возьмет его». У древних тюрков (VII в.) похищение лошади наказывалось штрафом в размере десятикратной ее стоимости, либо смертной казнью¹⁶. Столь ранний переход стад в частную собственность вообще кажется весьма естественным, ибо скот представлял собой движимое, легко отчуждаемое имущество и в силу этого не мог оставаться долго в общинной собственности. «Кочевые народы, — писал Маркс, — первые развивают у себя форму денег, так как все их имущество находится в подвижной, следовательно непосредственно отчуждаемой форме и так как образ их жизни постоянно приводит их в соприкосновение с чужими общинами и тем побуждает к обмену продуктов»¹⁷. Установление частной собственности на скот диктовалось экономической необходимостью и отвечало требованию закона обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил. Даль-

¹³ Л. П. Потапов. Древний обычай, отражающий первобытно-общинный быт кочевников. «Тюркологический сборник». Т. I. М.-Л. 1951; В. В. Бартольд. Церемониал при дворе узбекских ханов в XVII в.; А. В. Адрианов. Айран в жизни минусинского инородца (обе статьи в Сборнике в честь семидесятилетия Г. Н. Потанина). «Записки Русского географического общества по отделению этнографии. Т. XXXIV. СПб. 1904; М. Ф. Гаврилов. Остатки ясы и усуня у узбеков. Ташкент. 1929; Н. И. Ильминский. Древний обычай распределения кусков мяса, сохранившийся у киргизов. «Известия Археологического общества». СПб. 1861.

¹⁴ М. П. Грязнов. Первый Пазырыкский курган. Л. 1950, стр. 67; С. И. Руденко. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.-Л. 1953, стр. 147.

¹⁵ Иакинф. Т. I, стр. 46—47.

¹⁶ Там же, стр. 143, 215, 230; т. II, стр. 190.

¹⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVII, стр. 100.

нейшее развитие производительных сил после выделения кочевого скотоводства в ведущую отрасль хозяйства потребовало индивидуализации производства кочевников. Кочевание, особенно в зимнее время, целесообразнее мелкими стадами, которые легче прокормить, чем крупные стада и табуны общины. Интересы сохранения и размножения стада требовали его дробления. Но этому препятствовал общинный характер собственности на скот. Это противоречие было устранено рано установившейся частной собственностью на скот, которая, заинтересовывая собственника скота в развитии своего индивидуального хозяйства, расширяла возможности для роста стад, для накопления скота, рабов и другого богатства. Внутри родовой общины кочевников появилось мелкое самостоятельное хозяйство с частной собственностью на скот. Экономический строй родовой общины характеризуется в это время сочетанием общинной собственности на пастбища и кочевья с частной собственностью на скот.

Организационная структура родовой общины, или, если употребить выражение Маркса, форма ее строения, оказалась более живучей, чем ее экономическое содержание. В течение многих столетий, начиная с глубокой древности (у гуннов, усуней, жужаней и т. д.), местами вплоть до начала XX в. (у казахов, киргизов) сохранялась родовая форма строения общины, в то время как ее экономическая сущность стала иной. Характерной особенностью этого нового типа общины был дуализм общинной и частной собственности на средства производства, что коренным образом отличало его от первобытной родовой общины. Но различие между ними этим не ограничивалось. В более древних родовых общинах работа велась сообща и продукты труда подлежали распределению между всеми членами общины, производство же в аульной общине, напротив, было индивидуальным. Здесь каждый самостоятельно обеспечивал свое существование. Общий дом, коллективное жилище (до возникновения кочевого образа жизни) было характерным для древних родовых общин. Напротив, в аульной общине господствовало индивидуальное кочевое жилище, составлявшее частную собственность малых семей. Первобытное экономическое и социальное равенство членов общины было нарушено. Аульная община представляла первоначально объединение кочевников — частных собственников скота, неодинаково обеспеченных, ведущих самостоятельное хозяйство, но связанных общей собственностью на главное условие производства и существования кочевников — на кочевья и пастбища. В процессе разложения первобытно-общинного строя и формирования классовых отношений кочевые объединения, передвигаясь со стадами скота по пастбищам, должны были сами обеспечивать охрану своих кочевий и скота, свою собственную безопасность. Они были своего рода объединениями против внешнего мира¹⁸. Постоянная готовность общины кочевников к вооруженному столкновению, выражаясь словами Маркса, была «одним из условий ее существования в качестве собственности»¹⁹.

Указанные признаки позволяют отнести аульную общину кочевников к тому типу, который Маркс, применительно к земледельческим народам, назвал сельской общиной. Мы условно будем именовать ее кочевой аульной общиной, исходя из того, что кочевые поселения именуются обычно аулом (у казахов), айлом (у монголов, алтайцев, киргизов), аалом (у тувинцев, хакасов). Сельскую общину Маркс считал «переходной фазой» «от общества, основанного на общей собственности, к обществу, основанному на частной собственности»²⁰. Приведенное определение, разумеется, относится полностью и к аульной кочевой общине. Будучи по своему экономическому содержанию сельской общиной, аульная община кочевников в то же время имела некоторые особенности. Так, в отличие от сельской земледельческой общины, аульная община кочевников не знала передела пастбищ и кочевий между своими членами, хотя летние и зимние пастбища и кочевья для той или иной аульной общины были довольно точно определены.

¹⁸ См. К. Маркс. *Формы, предшествующие капиталистическому производству*, стр. 9.

¹⁹ Там же, стр. 8.

²⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. *Соч. Т. XXVII*, стр. 695.

Сельскую, или земледельческую, общину Маркс называл также «первым социальным объединением свободных людей, не связанных кровными узами»²¹. В аульной общине, как может показаться на первый взгляд, преобладающим было объединение родственников. Но при более внимательном изучении этого вопроса выясняется, что родовой характер подобных объединений вовсе не означает того, что люди, принадлежащие к одному и тому же «роду», являются кровными родственниками. Объясняется это тем, что «род» у кочевников уже с ранних исторических времен претерпевал сильные изменения, отразившись на его составе. Род, как кровнородственная организация, свойственная первобытно-общинному строю, с развитием кочевого скотоводства не мог долго сохраниться. Причины этого заключаются в характере исторического процесса, протекавшего в степях Европы и Азии начиная с середины I тысячелетия до н. э. и до начала XIII века. Сущность этого процесса заключалась в разложении первобытно-общинного строя, в формировании и развитии классовых отношений, сопровождавшихся широким развитием грабительских войн и набегов, которые, по выражению Энгельса, стали «регулярными функциями народной жизни»²². Историческая обстановка отличалась крайней неустойчивостью. Наряду с образованием народностей шел процесс сложения и разрушения различных военно-административных объединений кочевников, возникавших с целью грабежа и набегов на соседние племена и народности и основанных на временном успехе отдельных ханов. Достаточно вспомнить гуннский союз, усуней, жузжанский и тюркский каганаты, уйгурское ханство, объединение киданей и др. В этих условиях однородность состава кочевых общин нарушалась, несмотря на то, что община кочевников проявляла большую устойчивость и жизнеспособность, так как она сама производила все, что нужно для жизни, и постоянно воспроизводила себя, что объясняется, конечно, простотой ее экономической структуры²³. Разгромленные и рассеянные при очередном набеге враждебных племен, кочевники довольно быстро оправлялись от удара, объединялись вновь на той же территории, в новой комбинации, нередко под теми же родоплеменными названиями. Но в таких условиях племена и роды у кочевников постоянно дробились и расходились, смешивались и скрещивались. Смешанный характер различных племенных и родовых делений кочевников находит прекрасное подтверждение в материалах XVIII—XX вв., исследованных рядом путешественников и ученых у казахов, киргизов, узбеков, каракалпаков, тувинцев, алтайцев и др. Эти материалы показывают, что, несмотря на хорошо сохранившееся у кочевой части населения родоплеменное деление и генеалогию, наличие «родового» культа и даже «родовой» экзагамии, настоящего кровнородственного рода у этих кочевников уже не существовало²⁴.

Родоплеменные деления, обычаи и традиции, обширные и громоздкие генеалогии сохранялись, поддерживались и внедрялись в сознание рядовых кочевников феодально-байской верхушкой кочевых народностей. Родоплеменные деления и наименования кочевых населения представляли собой, в сущности, военно-административные, а-вовсе не

²¹ Там же, стр. 694.

²² Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. 1953, стр. 169.

²³ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVII, стр. 395.

²⁴ См. А. Харузин. Киргизы Букеевской орды. Вып. I. М. 1889; В. Радлов. К вопросу об уйгурах. СПб. 1893; Н. А. Аристов. Заметки об этническом составе тюркских племен и народности. «Живая старина». Вып. III—IV. 1896; его же. Опыт выяснения этнического состава киргиз-казахов Большой орды и каракиргизов. «Живая старина». Вып. III—IV. 1894; С. П. Толстов. Генезис феодализма у кочевых народов. Сборник «Основные проблемы генезиса и развития феодального общества». Л. 1934; В. С. Батраков. Особенности феодализма у кочевых народов. «Научная сессия Академии наук УзССР». Ташкент. 1940; Л. П. Потапов. Очерки по истории алтайцев. М.-Л. 1953; Т. А. Жданко. Очерки исторической этнографии каракалпаков. М.-Л. 1950 и др. Любопытно, что народное сознание местами сохранило в языке термины, отличающие кровное родство от родства по народности. В литературе, например, распространено мнение, что «сеок» (буквально «кость») у тюркских племен и народностей Южной Сибири (тувинцы, алтайцы и хакасы) есть подлинный, настоящий род. Однако сами тувинцы отличают родство по «сеоку» («сеок торель») от родства по крови («кан торель») и от родства в смысле принадлежности к единой народности («торель»). См. Яковлев. Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея. Минусинск. 1900, стр. 88.

кровнородственные единицы. Такие атрибуты родового строя, как родовой боевой клич (уран), родовое знамя у кочевников, теснейшим образом связаны с военно-административной структурой кочевых объединений²⁵. Численные деления войск у монгольских и тюркских племен, разумеется, не могли совпадать с численным составом кровнородственных родов, что способствовало превращению последних в военно-административные единицы. Сами родовые или племенные наименования происходили нередко от личного имени предводителя, старейшины и т. п., как это было, например, у хакасов в XVII веке²⁶. Китайская летопись сообщает о кочевых племенах, которые «имя сильного старейшины обращают в прозвание»²⁷. Таким образом, аульная кочевая община, строго говоря, не была объединением кровных родственников. Это подтверждают данные предреволюционного периода, например, у киргизов. Сошлемся на материал, собранный П. Погорельским и В. Батраковым²⁸. В общине «Джеты-кул», состоящей из 49 хозяйств, исследователи зарегистрировали представителей 11 родовых групп, именующихся различными названиями. Давно был разрушен родовой принцип состава общин у монголов, у которых в среде простого народа не сохранилась даже память о родовых названиях и лишь князья и дворяне, да еще шаманы, помнили имена своих родов²⁹.

Таким образом, уже с древних исторических времен община у кочевников по своему экономическому содержанию была не родовой, а сельской. В таком именно виде она существовала на протяжении многих столетий и у ряда кочевых народностей и племен в составе России (казахи, киргизы, алтайцы и др.), сохранилась местами в условиях классового феодального строя вплоть до начала XX в., подобно тому, как русская земледельческая сельская община стала современной капитализма и была уничтожена только развитием последнего.

Зарождение и формирование классовых отношений у кочевников происходило на основе развития частной собственности на средства производства. Для формирования классовых отношений аульная община давала достаточно простора. Основным моментом, разлагающим кочевую аульную общину, был ее дуализм, наличие в ней одновременно общинной и частной собственности. Частная собственность на скот с ее развитием и укреплением неизбежно приводила к возникновению частной собственности и на общинные пастбища. Рост стад у богатых скотовладельцев шел как путем естественного прироста, так и в результате грабительских войн и набегов. Богатые кочевники были заинтересованы в расширении и закреплении за собою пастбищных территорий. Если в период зарождения кочевого скотоводства еще можно было осваивать новые, никем не занятые территории, то позднее, во всяком случае, к первым векам до н. э., таких территорий в Центральной Азии и в полосе степей от Алтая до Крыма и Дуная было не так-то уж много, ибо кочевое скотоводство повсюду получило большое пространство. Кочевники вовсе не бродили по степям, где кому вздумается. Земли в это время, как и позднее, уже были размежеваны не только между различными племенами или союзами племен, но и внутри них. По китайской летописи, у гуннов в III—II вв. до н. э. «каждый имел отдельную полосу земли и перекочевывал с места на место, смотря по приволью в траве и воде», то же наблюдалось у кочевников Тугис (период тюркского каганата). Кочевники весьма ценили территорию своего обитания и кочевания. Когда гуннскому хану (шаньюю) Модэ посоветовали уступить часть территории соседям, чтобы сохранить с ними добрососедские отношения, он очень разгневался и заявил: «Земля есть основание государства; как можно отдавать ее? Всем со-

²⁵ О родовых знаменах и значках у казахов сообщает А. Левшин. Описание киргиз-кайсацких орд и степей. Т. III. СПб. 1832, стр. 52—54; у якутов — А. П. Окладников. Конь и знамя на ленских писаницах. «Тюркологический сборник». Т. I.

²⁶ Л. П. Потапов. Краткие очерки истории и этнографии хакасов (XVII—XIX вв.). Абакан. 1952.

²⁷ Иакинф. Т. I, стр. 143.

²⁸ «Экономика кочевого аула Киргизстана». М. 1930, стр. 115 и сл.

²⁹ См. Б. Я. Владимиров. Этнолого-лингвистические исследования в Урге, Уринском и Кентейском районах. Сборник «Северная Монголия». Т. II. Ленинград. 1927, стр. 29; его же. Поездка к кобдоским дербетам летом 1908 г. «Известия Русского географического общества». Т. XVI. 1910, стр. 334.

ветовавшим отдать землю отрубил головы»³⁰. Постепенная узурпация и монополизация общинных кочевий и пастбищ родоплеменной знатью позволила богатым кочевникам без всяких издержек увеличить количество своего скота.

Политическая власть, конечно, облегчала захват кочевий, в которых нуждалась кочевая аристократия. Насильственный захват лучших пастбищ сопровождался иногда обнаружением запрета пасти скот на тех или иных кочевьях. Так, в I в. до н. э. глава усуней Цылими, носивший титул гуньмо, объявил, чтобы «никто не смел пасти скот на его пастбищах»³¹. Отдельные земельные угодья под разными предлогами объявлялись «запретными», например, территории в районе ханских кладбищ, предназначенные для охоты кочевой знати, для пашни и т. п. У древних монголов эти запретные места носили название «хориг», а у тюркоязычных кочевников — «курук», или «хурук»³². Ранее всего родоплеменной аристократией были узурпированы зимние пастбища. Для Алтая, например, об этом можно судить по топографии курганов V в. до н. э.— I в. н. э. Большие каменные курганы с погребениями знатных кочевников расположены в лучших для зимних пастбищ долинах. Скопление богатых курганов и расположение их цепочками говорят о том, что эти прекрасные долины находились в наследственной собственности кочевой знати, устраивавшей здесь фамильные кладбища³³. Верховными распорядителями гуннских земель были шаньюи, которые, видимо, раздавали их во владение кочевой знати, как можно предположить на основании сообщения китайской летописи об «удельных владетелях западных хунусских земель»³⁴.

Организуемые аристократией военные грабительские походы способствовали утверждению за нею монопольного права распоряжения пастбищами-кочевьями. Покоренные области вместе с живущим в них населением распределялись между предводителями, членами их семьи и приближенными. Это имело следствием возникновение рабства, даннической и феодальной зависимости³⁵. Известно, что гунны в ранний период их истории держали в даннической зависимости покоренные ими племена. Они, например, облагали данью ухуаньские (видимо, родственные им) кочевые племена, которые платили им кожами, овчинами и даже холстом. «Кто не представлял ясака в срок, — сообщает китайская летопись, — у тех отбирали жену с детьми»³⁶. Кроме того, старейшины ухуаньцев обязаны были являться в орду (ставку шаньюев) гуннов. То же самое должны были делать владетели усуней, покоренных гуннами. Подобные отношения в древних тюркских рунических надписях переданы образным выражением «склонения головы и преклонения колен», что нашло отражение и в изобразительном искусстве древних тюрков (известный рисунок на каменном валуне из погребения Кудирге в Горном Алтае)³⁷.

Следовательно, монопольное распоряжение кочевьями, пастбищами и другими землями вело фактически к частной собственности кочевой знати на эти земли.

В какой же форме зарождались классовые отношения у кочевников? Нет никакого сомнения в том, что наиболее ранние формы классовых отношений, которые возникали у кочевников, были отношениями рабства³⁸. Основным источником рабства у ко-

³⁰ Иакинф. Т. I, стр. 40, 47—48, 230.

³¹ Там же, стр. 197. Земельные владения усуньских гуньмо межевались и передавались даже по наследству. Там же, стр. 155, 191, 196.

³² Б. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов, стр. 112, 160; В. В. Бартольд. К вопросу о погребальных обрядах тюрков и монголов. Записки Восточного отделения Русского археологического общества. Т. XXII, стр. 62—70.

³³ Фамильные кладбища в районе зимних кочевий устраивались также гуннской знатью, ибо летопись сообщает, что ухуаньские племена в отместку гуннам раскапывали и грабили могилы гуннских шаньюев. Это могло происходить только летом и, конечно, в районе зимних пастбищ, которые летом пустовали. Иакинф. Т. I, стр. 79, 144.

³⁴ Иакинф. Т. I, стр. 99.

³⁵ Маркс, имея в виду кочевников, писал: «Если вместе с землей завоевывают самого человека как органическую принадлежность земли, то его завоевывают как одно из условий производства, и таким путем возникают рабство и крепостная зависимость» (К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству, стр. 24).

³⁶ Иакинф. Т. I, стр. 103, 144.

³⁷ См. Л. П. Потапов. Очерки по истории алтайцев, стр. 92.

³⁸ Материалы о существовании рабства у кочевников приведены в работе С. П. Толстова. Древний Хорезм. М. 1948. Автор одним из первых обратил внимание на эти материалы и подверг их научному анализу.

чевников были военнопленные. Пленники поступали в собственность пленившего как личная добыча, в то время как другого рода добыча в виде отогнанных стад, различного ценного имущества подвергалась разделу, львиная доля которого шла предводителям, т. е. социальной верхушке кочевников. «Пленные мужчины и женщины поступают в неволю, — сообщает китайская летопись о гуннах, — и поему на сражении каждый воодушевляется корыстью». Гунны обращали пленников в рабов или освобождали за выкуп. Рабский труд применялся преимущественно в хозяйствах богатых скотоводов, которые не могли вести крупное скотоводческое хозяйство только силами своей семьи. Рядовые же кочевники вели хозяйство личным трудом. У кочевых племен ухуань, соседей гуннов, по сообщению китайских хроник, «каждый сам пасет скот и печется о своем имуществе, а не употребляет друг друга в услужение»³⁹. У многих кочевников рабство не стало основой производства, хотя в ограниченных размерах оно сохранялось очень долго, например, в домашнем хозяйстве богатых кочевников у казахов, туркмен, калмыков и других народностей до XIX века. Основным производящим классом у кочевников были не рабы, а рядовые скотоводы, которые являлись мелкими собственниками скота.

Развитие классовых отношений в рамках кочевой аульной общины привело к возникновению феодальных отношений, которые были характерны уже для тюркского каганата (VI—VIII вв.).

У монголов при Чингис-хане феодальные отношения выступают особенно четко. Формирование феодальных отношений шло по линии утверждения монопольной сословной и иерархической собственности кочевой аристократии на землю в широком значении этого слова⁴⁰. В то время у монголов были заложены основы крупного феодального землевладения и на большие степные пространства. Владения Чингис-хана, населенные различными племенами и народностями, были объявлены частной собственностью чингисидов. Они были разделены на уделы — улусы между династийными собственниками. Их население — кочевое и оседлое — оказалось живущим на земле, составляющей собственность монгольских феодалов, и таким образом попало в феодальную зависимость от последних. Население было прикреплено к этим землям, ему было запрещено, под страхом смертной казни, откочевывать, переселяться куда-либо без позволения феодалов. Монгольские царевичи распоряжались этими землями и живущим на них населением по своему усмотрению. Плано Карпини, наблюдавший жизнь населения при чингисидах, свидетельствовал: «И, говоря коротко, император и вожди берут из их имущества все, что ни захотят, и сколько хотят. Также и личностью их они располагают во всем, как им будет угодно»⁴¹. Царевичи, раздавая земли вместе с населением за службу приближенным, отбирали их, когда им этого хотелось. Даже в пределах земель того или иного феодала трудовое население не могло свободно кочевать. «Всякий начальник, — писал В. Рубрук, — знает, смотря по тому, имеет ли он под своей властью большее или меньшее количество людей, границы своих пастбищ, а также, где он должен пасти свои стада зимою, летом, весною и осенью»⁴². Верховным распорядителем земель был все же император. Плано Карпини сообщает: «Никто не смеет пребывать в какой-нибудь стране, если где император не укажет ему. Сам же он указывает, где пребывать вождям, вожди же указывают места тысячникам, тысячники — сотникам, сотники же — десятникам»⁴³. Непосредственные производители — кочевники-скотоводы были обязаны платить натуральную ренту своим феодальным владельцам и нести различные повинности. Существовало разделение кочевников на два антагонистических класса. Феодальный класс оказался монопольным собственником земли как главного условия производства, а класс трудящихся скотоводов был лишен этого условия производства, хотя имел скот в частной собственности, основанной на личном труде. Земли для кочевья непосредственные производители получали от феодалов, назначав-

³⁹ Иакинф. Т. I, стр. 50, 103.

⁴⁰ «Монополия земельной собственности является исторической предпосылкой и остается постоянной основой капиталистического способа производства, как и всех прежних способов производства, основанных на эксплуатации масс в той или иной форме». К. Маркс. Капитал. Т. III, стр. 630.

⁴¹ Плано Карпини. История монгалов. СПб. 1911, стр. 24.

⁴² В. Рубрук. Путешествие в восточные страны. СПб. 1911, стр. 69.

⁴³ Плано Карпини. Указ соч., стр. 23.

ших им районы кочевий. Различные формы и методы внеэкономического принуждения лишь усиливали и укрепляли экономическую власть кочевников-феодалов.

Конечно, феодальные отношения в кочевых районах, как первоначально и в оседлых земледельческих, сочетались с патриархальным общинным укладом, поэтому могут быть названы патриархально-феодалными. Кроме отмеченной генеральной линии развития, возникновению феодальных отношений у кочевников способствовали и другие, второстепенные, но все же существенные причины, коренящиеся в кочевом воинственном образе жизни. Постоянная необходимость организованно передвигаться, занимать и менять кочевья, охранять скот от соседних племен, наконец, осуществление грабительских набегов и т. п. требовали от кочевников четкой организации, с определенной, довольно развитой субординацией внутри военно-административной верхушки. Все это, конечно, способствовало возникновению феодальной иерархии у кочевников. Большой материал о феодальной иерархии у древних тюрков дают орхоно-енисейские надписи⁴⁴. Изучая «Ясу» Чингис-хана, К. Маркс обратил внимание на упоминание в ней «о высшем сословии, тарханах, которые были освобождены от всяких налогов, не должны были делить свою добычу с другими, имели постоянный свободный доступ к великому хану, освобождались от наказания до девяти раз». По поводу этих фактов Маркс пишет: «Этот вид феодальных прав возникает у всех полдцивилизованных народов в результате воинственного образа жизни»⁴⁵.

Нет сомнений в том, что воинственный образ жизни способствовал процессу классовообразования и формирования феодальных отношений у кочевников. В этой связи нельзя не вспомнить, что еще в одной из ранних своих работ К. Маркс и Ф. Энгельс указывали на влияние военной структуры древних германских кочевников на развитие феодальной собственности⁴⁶.

Воинственный образ жизни кочевников определялся историческими условиями, при которых война для отстаивания и приобретения собственности являлась своего рода промыслом. Борьба за сохранение и за захват кочевий и пастбищ имела большое значение в общественно-политической жизни различных кочевых объединений. Если к этому добавить, что рост и укрепление частной собственности на движимое имущество порождали стремление к приобретению богатств, в том числе скота и рабов, путем грабительских набегов, то организация кочевых общин на военный лад, обеспечивающий большую готовность и мобильность кочевников, становится вполне объяснимой⁴⁷. Кочевники, принадлежащие к одному объединению, стремились держаться вместе или поблизости друг от друга. Концентрация кочевых кибиток была необходимой и наиболее подходящей формой поселений военизированных общин. Куренной способ кочевания древних монголов, на который обратил внимание Б. Я. Владимирцов, был тесным образом связан с условием кочевого воинственного образа жизни и может быть правильно объяснен только этим. Этот способ совместного кочевания был продиктован интересами безопасности и военно-походной организации кочевников и совершенно не исключал мелкого сельского хозяйства с частной собственностью на скот. «Значение куреня,— пишет Рашид-ад-Дин,— есть кольцо. В старинные времена, когда какое-нибудь племя останавливалось на каком-нибудь месте наподобие кольца, а старший из них был подобен точке в середине круга, это называли курень. В нынешнее время, когда приблизится неприятельское войско, располагаются по той фигуре, дабы не вошел в середину чужой и неприятель»⁴⁸. В примечании к этому месту Б. Я. Владимирцов указывает, что даже современные монголы (1911—1912 гг.) располагали свое ополчение лагерем точно таким же образом. Можно сослаться и на русские исторические документы XVIII в., относящиеся к южным алтайцам и джунгарам (западным монголам),

⁴⁴ См. С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.-Л. 1951; его же. Енисейская письменность тюрков. М.-Л. 1952; А. Н. Бернштам. Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрков VI—VIII вв. М.-Л. 1946. Хорошо исследован этот вопрос для древних и средневековых монголов Б. Я. Владимирцовым в книге «Общественный строй монголов».

⁴⁵ «Архив Маркса и Энгельса». Т. V, стр. 220.

⁴⁶ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. IV, стр. 14.

⁴⁷ Маркс писал по поводу ранней общины, что военная или войсковая организация «является одним из условий ее существования в качестве собственности».

К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству, стр. 8.

⁴⁸ Цит. по Б. Я. Владимирцов. Указ. соч., стр. 37.

которые также подчеркивают особенности расселения кочевников в связи с их подвижным и воинственным образом жизни⁴⁹. Необходимо предостеречь от ошибки отождествления куренного способа кочевания с первобытным коллективным способом ведения хозяйства скотоводов-кочевников.

Воинственный кочевой образ жизни также порождал различные формы внеэкономического принуждения, которые усиливали и укрепляли экономическую власть богатых предводителей кочевников. В обстановке постоянных войн и набегов рядовые кочевники были вынуждены не только объединяться в мелкие общины, но искать покровительства у тех или иных вождей и предводителей. Изолированное и независимое существование мелких общин, тем более отдельных хозяйств, в этой обстановке было немыслимо. Они были всегда под опекой различных ханов. Но покровительство хана влекло для рядовых кочевников различные формы зависимости, определенные обязанности или даже повинности по отношению к своему покровителю — хану. Они должны были не только нести охрану кочевий и скота того или иного кочевого объединения, но и участвовать в набеггах и войнах, в охотничьих облавах хана, игравших немалую роль в жизни кочевников⁵⁰. Конечно, эти обязанности вначале, видимо, были все же добровольными, поскольку переход кочевника или кочевой общины от одного предводителя к другому не был запрещен. Однако, как только добровольный переход был запрещен, обязанность рядового кочевника превращалась в повинность.

Как известно, владения монголов включали в себя много различных тюркоязычных племен и народностей, в том числе и исторических предков современных казахов, киргизов, каракалпаков, значительной части узбеков, алтайцев и др. Все эти кочевые скотоводческие племена и народности были вовлечены в процесс развития феодальных отношений. С этого времени, как и в дальнейшем, в период распада монгольской державы и образования новых различных государств кочевников, феодальные отношения стали господствующим типом общественных отношений.

Процесс образования феодальной собственности на землю у кочевников явился закономерным явлением, протекавшим под воздействием закона обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил. Развитие производительных сил у скотоводов-кочевников вступило в противоречие с общинной формой собственности на главное условие производства: кочевье, пастбища и т. д., то есть на землю. Это противоречие и было постепенно устранено новыми производственными отношениями, отношениями классовыми, которые нередко, впрочем, в течение долгого времени сосуществовали со старыми, патриархальными отношениями.

Что же произошло с кочевой аульной общиной? Исчезла ли она под влиянием развития феодализма? Нет, не исчезла. Она продолжала существовать под его покровом. В пределах территории феодального княжества или удела (улус, оток, хошун), назначенной или выделенной феодалом той или иной группе кочевников, они кочевали мелкими общинами, представлявшими военно-административные единицы: (дючины, аймаки, айлы и т. п.). Последние имели либо родоплеменные названия, либо назывались по имени владельца или начальника. Эти общины мелких собственников скота группировались обычно вокруг облеченного властью богатого кочевника. Так как они кочевали на земле, составляющей собственность феодала, то вследствие этого несли различные повинности. Члены кочевой общины пользовались назначенными им пастбищами иногда сообща. Общинное землепользование на кочевьях феодала в сочетании с частной собственностью на скот, на свое мелкое скотоводческое хозяйство составляло экономическую базу аульной общины в условиях феодализма. Общинная форма землепользования и имущественное неравенство членов общины на основе частной собственности на скот порождали дальнейшее углубление классового расслоения и возникновение различных форм кабальных отношений, ухудшавших тяжелое положение наиболее бедных групп в среде феодально-зависимых кочевников. Рассмотреть эти формы целесообразнее в связи с характеристикой патриархально-феодальных отношений.

⁴⁹ См. Г. Н. Потанин. *Материалы для истории Сибири. «Чтения в Обществе истории и древностей Российских»*. Кн. 4-я. 1866, стр. 113.

⁵⁰ О роли и значении охотничьих облав в жизни кочевников-монголов см. Б. Я. Вл а д и м и р ц о в. *Указ. соч.*, стр. 40, 43, 65, 79, 83, 192—195.

Для определения дореволюционных общественных отношений у кочевников советские историки широко используют термин «патриархально-феодальные отношения», имея в виду характеристику И. В. Сталиным общественного строя народностей, «сохранивших в большинстве случаев скотоводческое хозяйство и патриархально-родовой быт (Киргизия, Башкирия, Северный Кавказ) или не ушедших дальше первобытных форм полупатриархального-полуфеодального быта (Азербайджан, Крым и др.)»⁵¹. Этот термин хорошо передает специфику феодальных отношений, еще не освободившихся от патриархальной родовой оболочки, а иногда и переплетающихся с остатками или пережитками патриархальных отношений, с патриархальным укладом.

Патриархально-феодальные отношения — это отношения феодальные, выросшие у кочевников, как и у сельскохозяйственных народов, под воздействием общей закономерности феодализма, на основе развития и упрочения феодальной собственности на главное средство производства — землю. Несмотря на отсутствие юридического оформления земельной собственности, у наших среднеазиатских или южных сибирских кочевников феодальная собственность прослеживается довольно легко. До вхождения в состав Русского государства земельная собственность у казахов, например, выступала совершенно определенно. Собственниками кочевьев были ханы и султаны, ведущие свою родословную от чингисидов. С образованием казахских ханств ханы выбирались из среды султанов. Хан в пределах своего ханства был верховным собственником земель. Его власть простиралась и на султанов, не говоря уже о биях, тарханах и других представителях феодального класса, которых он мог судить, разорить и т. п. Рядовые феодально-зависимые скотоводы («шаруа»), хотя имели в частной собственности скот, личное хозяйство, но были обязаны платить хану различные виды натуральной ренты (зьякет, ушур, сугум), нести разнообразные трудовые повинности (подводную, содержание чиновников ханского административного аппарата и др.), участвовать со своим конем и снаряжением в походах и набегах хана, платить судебные пошлины и дополнительные разовые поборы (например, выплачивать султанский калым)⁵². Трудящийся казах-скотовод должен был нести это бремя в конечном счете потому, что он кочевал на земле хана или султана, был прикреплен к ней и деваться ему со своим скотом было некуда⁵³. Монополия земельной собственности хана или султана-феодала являлась экономической основой прикрепления к кочевьям феодала рядового скотовода, его личной зависимости. На этой именно основе и выросли различные формы и методы внеэкономического принуждения, при помощи которых можно было заставить рядового скотовода, ведущего самостоятельное хозяйство, работать на феодала. Только наличием монополии земельной собственности как главного средства производства можно объяснить наличие феодальных отношений у казахов, несмотря на то, что имущественное неравенство резко проявлялось у них и по линии собственности на скот. Но собственность на скот не могла служить основой феодализма у кочевников уже потому, что она не являлась монопольной собственностью феодалов. Скот был в частной собственности также рядового кочевника. Разбогатевший рядовой скотовод вовсе не делался феодалом оттого, что он становился собственником большого стада и мог эксплуатировать бедноту при помощи раздачи ей скота на кабальных условиях. Кабальные формы эксплуатации существуют при самых различных способах производства классового общества, и не они определяют собой тот или иной тип классовых отношений. Если же признать скот главным средством производства и основой феодальной собственности, то в таком случае исчезает различие между феодальной собственностью на основные средства производства и единоличной собственностью непосредственного производителя, основанной на личном труде. Следовательно, о феодализме при этом говорить не приходится. Отсюда видно, что основой феодализма у кочевников, как и у других народов, была только земельная собственность.

⁵¹ И. В. Сталин. Соч. Т. 5, стр. 25.

⁵² См. «История Казахской ССР». Т. I, 2-е изд., стр. 142, 227 и др.

⁵³ «Источником феодального гнета была не экспроприация земли у населения, а, наоборот, его прикрепление к земле». К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI, ч. I, стр. 287.

Специфика земельной собственности у кочевников, у тех же казахов, например, выступала прежде всего в том, что земля эта, как правило, не продавалась и не покупалась, ибо при кочевом пастбищном скотоводстве с господством натурального хозяйства для этого не было необходимых условий. Другой особенностью феодальной земельной собственности у кочевников было то, что она нередко была замаскирована общинным землепользованием, так как кочевали феодально-зависимые скотоводы у многих народов обычно не в одиночку, а общинами.

Общинное землепользование у казахов отнюдь не препятствовало крупным феодалам распоряжаться землей по своему усмотрению. Когда у хана Букеевской орды возникла необходимость юридически оформить право владения земельными угодьями, он закрепил за собой 400 тыс. десятин самой лучшей земли, отвел 700 тыс. десятин султанам Мучегелию и Чингалию Урмановым, 400 тыс. десятин брату своему Менлигирею и т. д. Из оставшихся 800 тыс. десятин хан продавал земельные участки мелким султанам, старшинам, ходжам, сдавал в аренду и т. д. За период с 1830 по 1835 г., например, хан выдал разным лицам 1517 актов на владение земельными участками в орде⁵⁴.

Общинный характер землепользования сохранился после присоединения казахов к Русскому государству. С этого времени верховным собственником земли у казахов выступает Русское государство. Царское правительство ликвидировало ханскую власть, лишило ханов и султанов права взимать ренту и установило ясак и ряд трудовых повинностей казахов в свою пользу. Правительство разработало «Устав о сибирских киргизах», согласно которому вводилось новое административное управление казахов, с разделением их на округа, волости и аулы (с выборными на трехлетие управителями), причем волости и аулы должны были создаваться по родовому признаку. «Устав о сибирских киргизах», автором которого был М. М. Сперанский⁵⁵, пытался использовать, по существу, уже изжитое у казахов родоплеменное деление, приспособив его, как и в Сибири, к административным целям. С переходом земель казахов в номинальную собственность Русского государства монопольная собственность на землю ханов и султанов была формально уничтожена. Эти земли были предоставлены казахам на основе общинного пользования. Такие мероприятия отнюдь не упразднили феодальной собственности на землю у казахов, ибо вместо одного верховного собственника — хана — у них появился другой — крепостническое Русское государство, которому нужно было также платить ренту — налог. Более того, указанные мероприятия фактически не уничтожили феодальной земельной собственности казахских султанов, как и других более мелких представителей феодальной знати, так как юридически общинная форма землепользования давала казахским феодалам полную возможность маскировать ею свою земельную, фактически феодальную, собственность. Поэтому в новых общественно-экономических условиях они были прямым образом заинтересованы в патриархальной общинной форме землепользования. Классовые интересы казахских феодалов сыграли видную роль в оживлении и активизации патриархальных родовых традиций и пережитков.

Если обратимся к киргизам, то увидим, что и у них основой патриархально-феодальных отношений была собственность на землю киргизских феодалов. После включения киргизов в состав Русского государства киргизские земли были также объявлены государственной собственностью и переданы киргизам во владение на права общинного землепользования. Но и здесь общинное землепользование прикрывало фактически феодальную земельную собственность киргизских биев и мананов, которые определяли границы для отдельных групп кочевников и полностью распоряжались кочевьями, пастбищами и прочими землями фактически прикрепленной к ним и подвластной им «букары» (рядовых кочевников). Киргизские мананы давали формально общинные кочевья и пастбища друг другу в качестве приданого, сдавали их в аренду, за пастьбу скота взимали натуральные и денежные поборы (отмай)⁵⁶, брали плату со скотопромышленников за прогон скота через свою территорию.

⁵⁴ «История Казахской ССР», стр. 250.

⁵⁵ М. М. Сперанский был также автором «Устава о сибирских инородцах».

⁵⁶ П. Погорельский и В. Батраков. Экономика кочевого аула Киргизстана, стр. 168.

Так было не только у киргизов. У тувинцев распределение кочевков производил нойон, то есть богач-феодал, стоящий во главе хошуна⁵⁷. В Азербайджане кочевники платили «чопбаши» феодальным владельцам эйлягов и кишлягов (то есть летних и зимних пастбищ). Этот денежный сбор за право пасти скот на пастбищах, захваченных феодалом в его собственность, мотивировался «древним обычаем»⁵⁸. При этом закрепощение соплеменников и сородичей часто происходило в форме родственной помощи, благодеяния, родственного покровительства и т. п., вследствие чего закрепощенный считал феодала своим «благодетелем» (алтайцы), «старшим братом» (киргизы) и т. д.

В специфической патриархальной форме у ряда народностей выступало и присвоение натуральной ренты — этой экономической формы реализации земельной собственности у кочевников⁵⁹. У алтайцев отработочная рента выступала под наименованием «ярчи». Сущность ее состояла в том, что каждый рядовой алтаец, приписанный к определенному зайсану, должен был отработать на зайсана в порядке очередности по несколько месяцев (заготавливать дрова, пасти скот, седлать коня и т. д.). Это считалось «древним обычаем», который мотивировался тем, что зайсан занят «общественными делами», ему нужно «помочь» в личном хозяйстве. Однако «помощь» зайсану в качестве «ярчи» (буквально — «дровосека») была обязательной, являлась по существу барщиной, выступавшей в патриархальной форме. У тувинцев подобного рода отработочная повинность существовала под названием «медэ». Она состояла в том, что каждое «сумо» (административное подразделение хошуна) посылало своему владельцу, нойону, по одной семье со своей юртой для различных работ и услуг нойону сроком на один год. Кроме того, в каждой из этих выделенных юрт поселялся еще холостой работник, выделенный от «сумо» для работы нойону («нойон содама»). Распоряжался всеми «медэ» и «содама» выборный из их же среды («медэ тарга»), получающий непосредственно приказания нойона. У хакасов и алтайцев рядовые скотоводы были обязаны участвовать в сенокосе, уборке урожая у «кнеса» или зайсана. Эта обязанность работать на начальника или владельца также считалась «родовым» древним обычаем. Видимо, к этой категории отработок, по обычаю, следует отнести киргизский «ашар» и «кошар» у каракалпаков. В патриархальной форме в значительной степени выступала и рента продуктами. Такие формы известны у киргизов (салых, соишь, отмай, орункутуктау), у каракалпаков (агаиншалык, малкасар, сыбыга), алтайцев и др. Эти натуральные повинности (своеобразный оброк) по снабжению продуктами и скотом феодалов выполнялись под видом «помощи» манапу, султану, зайсану и т. д. в уплате, например, калыма, в расходах по устройству свадьбы, различных угощений при рождении ребенка, обрезании, похоронах, при приемах чиновников и т. д.

Для патриархально-феодальных отношений у кочевников характерна эксплуатация непосредственного производителя при помощи надления скотом обедневшего хозяина богатым кочевником. Это явление было столь широко распространено, что некоторые ученые считали его основой классовых отношений у кочевников. Это, конечно, не так, ибо в подобные отношения с богатым кочевником вступала обычно скотоводческая беднота. При ведущем значении кочевого скотоводческого хозяйства скот, разумеется, мог быть и в действительности был важнейшим средством эксплуатации бедноты богатыми кочевниками. Это обстоятельство создает видимость приоритета эксплуататорских отношений, вырастающих на основе частной собственности на скот, по сравнению с отношениями, развивающимися на базе феодальной земельной собственности, которые были замаскированы формой общинного землепользования. Но нельзя при этом упускать из вида и того, что надление скотом нуждающегося кочевника являлось также одним из средств прикрепления его к земле, кочевьям и пастбищам фео-

⁵⁷ Л. П. Потапов. Ранние формы феодальных отношений у кочевников. «Записки Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории». Вып. 1. Абакан. 1947.

⁵⁸ «Колониальная политика российского царизма в Азербайджане». М.-Л. 1936, стр. 55, 57, 65, 87—88, 97, 116, 128.

⁵⁹ «Какова бы ни была специфическая форма ренты,— пишет Маркс,— всем ее типам обще то обстоятельство, что присвоение ренты есть экономическая форма, в которой реализуется земельная собственность, и что земельная рента, в свою очередь, предполагает земельную собственность...». К. М а р к с. Капитал. Т. III, стр. 646.

дального владельца. В то же время нельзя, конечно, недооценивать роли скота как материального средства эксплуатации, ибо по мере постепенного обеднения и разорения непосредственного производителя-скотовода в условиях феодализма значение скота как основы эксплуатации возрастает. Обедневший скотовод пытается поправить свое положение тем, что берет дойную корову, лошадь или свец у богатого скотовода во временное пользование за отработки. Богатый кочевник охотно наделял скотом бедноту, так как это обеспечивало ему рабочую силу, давало, по существу, даровых пастухов. В условиях царского политического режима, когда власть кочевой феодальной аристократии над рядовыми кочевниками была ограничена, когда земельная рента, совпадающая с налогом, поступала в царскую казну, обеспечение рабочими руками хозяйства богатых скотоводов было осложнено. Натуральный характер кочевого скотоводческого хозяйства, продуктивность которого была крайне ограничена его низким техническим уровнем (отсутствие заводов по переработке молока в масло и сыр, по выделке кож и т. п.), делал невыгодным найм пастухов, доярок и прочих работников по уходу и обслуживанию стад за денежную или натуральную оплату. Было проще и выгоднее сохранить и прокормить свой скот путем раздачи его во временное пользование бедноте за различные отработки. Но характерно, что и эти отношения также выступали в патриархальной форме. Раздача скота в доение (саун и саан — у казахов и киргизов, хасаас — у якутов, сапис — у хакасов, польш — у алтайцев и т. д.), под съезд или за пользование шерстью, навозом (для топлива, например у алтайцев) и т. п. облекалась в форму родственной помощи, что широко описано в советской исторической и этнографической литературе. У алтайцев эти отношения так и назывались — «польш», то есть помощь.

Таким образом, феодальные по своему экономическому содержанию производственные отношения у кочевников выступают не только в формах, присущих феодальным отношениям, но в значительной степени в старых, патриархальных родовых формах, характерных для первобытно-общинного строя. Почему это так происходит? Объяснение этому нужно искать не только в том, что эти формы всячески сохраняли и поддерживали феодалы в эксплуататорских целях, но также и в условиях зарождения феодальных отношений у кочевников, которые возникают в недрах первобытно-общинного строя, что дает возможность феодалам использовать его патриархальные формы. Зародившись в недрах первобытно-общинного строя, они, как и патриархально-рабовладельческие отношения, побеждают без революционной ломки и уничтожения старых общественных форм, а, напротив, используют их, приспособливают к себе. Некоторые старые, патриархальные формы, конечно, выгоднее было сохранить и использовать, а не разрушать. Богатой кочевой верхушке и при формировании феодальной земельной собственности было проще и выгоднее поддерживать формальное признание общинной собственности на эти земли и в рамках ее, пользуясь правом общинника на землепользование, занимать лучшие пастбища в большом количестве, мотивируя это необходимостью пасти свой скот на своей общинной земле. Для рядового кочевника всегда было труднее осознать социальную несправедливость, осуществляемую в такой форме со стороны единоплеменника, в то время как открытое занятие общинных пастбищ чужеплеменником-богачом было ясным для каждого как захват, как посягательство на общинную собственность и вызывало соответствующую реакцию. Родовая форма, стало быть, представляла собой юридическую фикцию, скрывавшую фактически частную феодальную собственность на землю. Вот почему богачи-скотоводы так упорно держались за родовые общинные порядки и оказывали сильное сопротивление царскому землеустройству, так как эти порядки служили их интересам и маскировали их эксплуататорские цели. Вот почему кочевая аристократия так упорно поддерживала у рядовых кочевников родовые традиции, родовые генеалогии, кичилась своим родовым происхождением, связывая это с правом распоряжаться всем укладом жизни рядовых соплеменников и сородичей. Мнение некоторых историков, этнографов, экономистов, будто бы патриархально-родовые формы не могут служить феодальному содержанию, неверно, противоречит духу марксистской теории. К. Маркс писал в «Капитале»: «...если бы форма проявления и сущность вещей непосредственно совпадали, то всякая наука была бы излишня»⁶⁰. И. В. Сталин неоднократно подчеркивал эту мысль Маркса. «Содержание немисливо без формы,— писал

⁶⁰ К. Маркс. Капитал. Т. III, стр. 830.

он, — это правильно. Но правильно также и то, что существующая форма никогда полностью не соответствует существующему содержанию: первая отстает от второго, новое содержание в известной мере всегда облечено в старую форму, вследствие чего между старой формой и новым содержанием всегда существует конфликт. Именно на этой почве происходят революции, и в этом выражается, между прочим, революционный дух материализма Маркса»⁶¹. Мы были вынуждены напомнить взгляды классиков марксизма по этому вопросу, чтобы устранить возможность ссылаться на них при неверном освещении исторических фактов. Факты эти широко известны ученым, изучающим общественную жизнь кочевников в дореволюционных условиях. Они говорят об одном и том же, что под юридической оболочкой «родовых» отношений или в старых родовых формах выступают феодальные экономические отношения, прикрывающие свою классовую эксплуататорскую сущность старыми формами. И в этом нет ничего противоземельной собственности. Маркс, исследуя капиталистическую земельную ренту, показал, что при капиталистическом способе производства «феодальная земельная собственность, и клановая собственность, и мелкая крестьянская собственность с земельной общиной (Markgemeinschaft) превращаются в экономическую форму, соответствующую этому способу производства, как бы ни были различны их юридические формы»⁶².

Фактический материал показывает, что и у кочевников при укреплении и развитии феодализма родовая или общинная собственность превращалась в экономическую форму, соответствующую этому способу производства, несмотря на различие их юридических форм.

Изложенное выше позволяет заключить, что характерной чертой патриархально-феодальных отношений у кочевых скотоводческих народов, как и у оседлых земледельческих, является сочетание феодальной основы общественного строя с патриархальными формами общественных отношений, сохранение в них родовых пережитков. Патриархально-феодальные отношения представляли собой ранние формы феодальных отношений. Они возникли и развивались на основе экономических законов феодализма, целью которого было выкачивание прибавочного продукта непосредственного производителя в пользу феодала как собственника главного условия производства — земли. Присвоение прибавочного продукта производилось в форме натуральной ренты. По своему экономическому содержанию патриархально-феодальные отношения были именно феодальными. Но они были нередко облечены в патриархальную форму, а кое-где еще и переплетались с остатками и пережитками дофеодальных общинных отношений. Их дальнейшее развитие и расцвет тормозились отсталостью пастбищного кочевого и полукочевого скотоводческого хозяйства и особенно отсталостью кочевого образа жизни. Патриархально-феодальные отношения, несмотря на их специфику, разумеется, не составляли качественно отличного от феодализма способа производства и общественного строя. Они были лишь выражением отмеченного Марксом разнообразия конкретного исторического развития, которое было сформулировано им следующим образом: «Один и тот же экономический базис — один и тот же со стороны главных условий — благодаря бесконечно различным эмпирическим обстоятельствам, естественным условиям, расовым отношениям, действующим извне историческим влияниям, и т. д. — может обнаруживать в своем проявлении бесконечные вариации и градации, которые возможно понять лишь при помощи анализа этих эмпирически данных обстоятельств»⁶³. Патриархально-феодальные отношения в силу указанных выше причин сохранялись у ряда народностей вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции, переплетаясь нередко с возникающими капиталистическими отношениями. Они были полностью уничтожены, как и капиталистические, только в результате победы социалистических отношений.

⁶¹ И. В. Сталин. Соч. Т. 1, стр. 328—329.

⁶² К. Маркс. Капитал. Т. III, стр. 630.

⁶³ Там же, стр. 804.